

1001 ночь.

Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник (Волшебная лампа Алладина)

[Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 2](#)

[Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 3](#)

[Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 4](#)

И мать Ала ад-Дина поцеловала султану руку, и пожелала ему блага, и вернулась домой, охваченная великой радостью, и когда она пришла и вошла к своему сыну, тот увидел, что лицо ее улыбается, и счел это за добрый знак, особенно когда увидел, что она, против обыкновения, воротилась без блюда. «О матушка, если хочет того Аллах, ты несешь добрую весть и добилась благодаря самоцветам благоволения султана?» — воскликнул он, и мать рассказала ему, как султан встретил ее с лаской и при виде драгоценных камней потерял разум и как он ей обещал, что его дочь станет женой Ала ад-Дина. «Но только, дитя мое,— продолжала она,—прежде чем он мне обещал, везирь тайком сказал ему что-то, и после того как везирь с ним поговорил, он обещал мне все сделать через три месяца. И я боюсь, о дитя мое, как бы везирь не оказался воплощением зла и не изменил мнения султана». И когда Ала ад-Дин услышал об обещании султана, он обрадовался великой радостью и воскликнул: «Раз султан обещал мне свою дочь через три месяца, мне нет дела, будет ли везирь воплощением зла или воплощением добра! — И поблагодарил мать за ее труды и милости и воскликнул: — Клянусь Аллахом, матушка, ты сегодня вынула меня из могилы! Хвала Аллаху! Я уверен, что нет теперь в мире никого счастливее меня!»

И Ала ад-Дин протерпел два месяца времени, и однажды его мать вышла на закате солнца, чтобы купить масла, и увидела, что рынок заперт, и весь город украшен, и люди убирают свои лавки цветами и освещают их свечами и светильниками, и увидела она, что воины и вельможи едут верхом на конях и перед ними пылают факелы и свечи. И мать Ала ад-Дина удивилась, и вошла в лавку масленника. которая оказалась открытой, и купила у него масла, и потом она спросила хозяина: «Заклинаю тебя жизнью, что случилось в городе? Почему он сегодня так украшен и рынок торговцев заперт?» — «О женщина,— сказал масленник,— ты, очевидно, чужая в этом городе».— «Нет,— отвечала мать Ала ад-Дина,— но я не знаю, по какой причине его так украсили».— «Сегодня вечером,— сказал масленник,— сын везирия войдет к дочери султана, госпоже Бадр аль-Будур. Сейчас он в бане, и все эти воины и вельможи ждут, когда он выйдет, чтобы пойти впереди него и привести его во дворец султана». И когда мать Ала ад-Дина услышала его слова, она огорчилась и растерялась, не зная, как ей сказать своему сыну об этом недобром деле,— ведь Ала ад-Дин ожидал окончания этих трех месяцев, отсчитывая каждую минуту.

И она вернулась домой, и вошла к своему сыну, и сказала ему: «О сынок, я хочу сообщить тебе недобрую весть, но только ты не огорчайся».— «Говори, что это за весть»,— воскликнул Ала ад-Дин, и она сказала: «Султан нарушил обещание относительно своей дочери, госпожи Бадр аль-Бу-дур, и выдал ее замуж за сына везирия, и сегодня вечером он войдет к ней. О дитя мое, чужало мое сердце, когда я говорила с султаном, что этот везирь — воплощение зла и что он обязательно изменит решение султана».— «А ты проверила, верная это весть или нет?» — спросил Ала ад-Дин. И его мать молвила: «О дитя мое, я увидела, что город украшен и что все воины и эмиры сидят на конях и ожидают, когда сын везирия выйдет из бани. Масленник рассказал мне об этом, и он удивился, когда я его спросила, и сказал: «О старуха, ты, видно, чужая в этом городе».

Когда Ала ад-Дин услышал такие слова и убедился, что известие верное, он сильно огорчился и его даже охватила лихорадка, но потом он подумал и обратился к своему рассудку: «Как быть?» — и вспомнил про светильник, и сказал своей матери: «Клянусь твоей жизнью, о матушка сын везирия никогда не порадуется с нею! Но поставь столик и накрой его, чтобы нам поужинать, а потом я пойду в свою комнату и сосну, и утро принесет радость».

И мать его поставила столик, и они поужинали, а потом Ала ад-Дин пошел в свою комнату, взял светильник и потерял его, и раб тотчас же появился перед ним и сказал: «К твоим услугам! Твой раб перед тобой, требуй чего хочешь!» «Слушай,— сказал Ала ад-Дин,— я попросил у султана разрешения жениться на его дочери, и он обещал отдать ее за меня через три месяца, но не сдержал обещания и отдал ее за сына везирия, и сегодня вечером тот войдет к ней. Вот чего я желаю от тебя: когда ты увидишь, что молодые, муж и жена, легли вместе, возьми их и принеси ко мне».— «Слушаю и повинуюсь!» — ответил раб и скрылся.

А Ала ад-Дин вертелся на постели, думая о вероломстве султана; и когда наступило время спать, раб вдруг появился и принес постель, на которой лежали новобрачные, и увидев это, Ала ад-Дин обрадовался и сказал рабу: «Отнеси этого поганца в нужник и положи его там». И раб тотчас же унес сына, везирия, и положил его в нужник, и так дунул на него, что тот весь иссох, а раб вернулся к Ала ад-Дину и спросил его: «О владыка, нужно ли тебе еще что-нибудь?» — «Возвратись ко мне завтра утром, чтобы отнести их на место»,— сказал Ала ад-Дин, и раб ответил: «Слушаю и повинуюсь!» — и скрылся.

А Ала ад-Дин, увидев, что госпожа Бадр аль-Будур находится перед ним, сказал ей: «О моя возлюбленная, я велел принести тебя сюда не для того, чтобы унизить твою честь, но чтобы не позволить другому насладиться тобой!»

А что касается госпожи Бадр аль-Будур, то, увидев себя в этой темной комнате, она испугалась и задрожала. И потом Ала ад-Дин положил между собой и царевной меч и проспал ночь с ней рядом, не обманув ее, что же касается сына везирия, то он провел в нужнике самую черную ночь в своей жизни. А когда взошел день, раб явился с раннего утра, не дожидаясь, чтобы Ала ад-Дин потерял светильник, и унес сына везирия с дочерью султана, и положил их на место, так что никто этого не видел, но те умирали от страха, чувствуя, что их переносят с места на место.

И не успел этот раб из джинов положить их во дворец, как султан явился проведать свою дочь, госпожу Бадр аль-Будур; и едва сын везирия услышал, что султан входит, он быстро поднялся с постели, очень недовольный, так как ему хотелось немного согреть свои кости,— он ведь провел всю ночь в нужнике, трясаясь от холода и страха. И он тотчас же встал и надел свою одежду, а султан вошел и приблизился к своей дочери, госпоже Бадр аль-Будур. Он поцеловал ее между глаз, и пожелал ей доброго утра, и спросил ее насчет ее мужа — довольна она им или нет, но царевна не дала ему ответа, и он увидел, что лицо у нее сердитое. И султан несколько раз заговаривал с дочерью, но та не отвечала ему, и тогда он вышел, и пошел к царице, своей жене, и рассказал ей обо всем, что случилось с его дочерью, и царица, услышав это, сказала: «О царь времени, таков уж обычай новобрачных! В день после свадьбы они всегда стесняются и дуются на своих родителей. Не взыщи же с нее — через несколько дней она опомнится и начнет разговаривать с людьми. А я сейчас пойду посмотрю, что с ней такое».

И султанша встала, надела свою одежду и пошла к дочери. Она подошла к царевне, поцеловала ее и пожелала ей доброго утра, но царевна не дала ей ответа, и султанша подумала, что с ее дочерью, наверно, случилось какое-нибудь диковинное событие, которое ее встревожило. «Доченька,— сказала она,— почему ты такая и что с тобой делается? С тобой, наверно, случилось что-нибудь, что тебя встревожило. Я пришла к тебе, чтобы на тебя поглядеть и пожелать тебе доброго утра, а ты не дала мне ответа, и так же, дочь моя, ты поступила с твоим отцом». И тут госпожа Бадр аль-Будур подняла голову и сказала: «О матушка, не взыщи! Да, мне, правда, следовало встретить тебя с почетом и уважением, но я надеюсь, что ты меня извинишь, и простишь, и выслушаешь, какова причина, побудившая меня так вести себя. Эта причина — темная ночь, которую я только что провела. Не успел мой муж лечь ко мне в постель, как какое-то существо — я не знаю ни вида его, ни образа — подняло нас вместе с постелью и поставило ее в одном темном, грязном и скверном месте...» И госпожа Будур рассказала своей матери обо всем, что она увидела в эту ночь: как ее мужа унесли от нее и она осталась одна, а потом пришел другой юноша, и положил между ними меч, и лег с нею рядом, а утром тот, кто унес их, воротил их на место. «И когда мы оказались здесь,— продолжала царевна,—он оставил нас, и спустя немного вошел мой отец, и от того, что со мной произошло, я ему не ответила, когда он заговорил. Может быть, ему стало из-за меня тяжело, но если бы он знал, что со мной случилось сегодня ночью, он бы, наверно, меня простил и не взыскивал бы с меня».— «О дочка,— сказала ее мать,— берегись, не говори таких слов, чтобы не подумали, что ты сошла с ума

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

и потеряла рассудок. Слава Аллаху, что ты не рассказала об этом твоему отцу! Ни за что не говори ему таких слов».— «О матушка,— молвила госпожа Будур,— я не сошла с ума и не лишилась рассудка! Если ты не веришь моим словам, то спроси моего мужа»,— «Вставай и выбрось из головы эти пустые бредни,— сказала султанша.— Надень платье и посмотри, как радуются во всем городе твоей свадьбе, и послушай, как играют ради тебя музыкальные инструменты и барабаны».

Потом султанша позвала служанку, и та нарядила госпожу Будур и привела ее в порядок, а султанша вышла к султану и сказала ему, что госпоже Будур привиделся этой ночью дурной сон, который ее встревожил. Она попросила у султана прощения за свою дочь, а потом послала за сыном везиря и спросила, правду ли говорит ее дочь или нет, и сын везиря, от страха, что лишится своей жены, принялся все отрицать и сказал: «Я ничего об этом не знаю», И царица убедилась, что ее дочери приснились сны и видения.

И в городе весь день продолжались торжества, до самого вечера, а когда пришло время спать, Ала ад–Дин взял светильник и потерял его, и раб вдруг явился и сказал: «К твоим услугам. Твой раб перед тобой, требуй чего хочешь!»

И Ала ад–Дин велел ему принести царевну с мужем и сделать так, как в прошлую ночь, раньше чем сын везиря возьмет ее девственность, и раб в мгновение ока исчез и ненадолго скрылся. И потом он вернулся, неся постель и на ней новобрачных, жену и мужа, и отнес сына везиря в домик отдохновения, а Ала ад–Дин положил между собой и госпожой Будур меч и лег с ней рядом, и под утро раб из джинов вернулся и отнес их обратно на их место.

Что же касается султана, то он утром встал, надел свою одежду и пошел посмотреть на дочь". Он вошел в ее дворец, и когда сын везиря услышал, что султан входит, он быстро оделся и вышел, и ребра стучали у него от холода. А султан подошел к своей дочери, пожелал ей доброго утра и спросил, как она поживает, и увидел он, что царевна хмурится так же, как и вчерашний день. И когда султан увидел, что дочь не отвечает ему, он рассердился и понял, что с ней, несомненно, что–то произошло, и обнажил меч, и закричал: «Или ты мне расскажешь, что с тобой делается, или я убью тебя!» Увидев, что ее отец сердится, госпожа Будур испугалась и сказала: «Будь со мной кроток, о отец! Когда я тебе расскажу, что со мной было, ты меня простишь!» И она рассказала султану обо всем, что с ней случилось, и сказала: «А если ты мне не веришь, спроси моего мужа, он тебе обо всем расскажет. Я не знаю, куда его уносили, и я его не спрашивала». Услышав эти слова, отец царевны сказал ей: «О дочка, почему ты не рассказала этого мне вчера? Я бы заставил тебя выкинуть из головы этот страх и эту печаль. Вставай, веселись и развлекайся — сегодня вечером я приставлю к тебе стражей, чтобы они тебя охраняли».

И потом царь поднялся, и ушел к себе во дворец, и послал за везирем, и спросил его: «Рассказывал ли тебе твой сын что–нибудь, о везирь?» И везирь ответил: «О царь времени, я не видел моего сына ни вчера, ни сегодня. А что?» И султан сообщил ему обо всем, что рассказывала ему дочь, и сказал: «Я хочу, чтобы ты расспросил своего сына и мы бы выяснили это дело. Возможно, что моей дочери привиделся сон». И везирь вышел, позвал своего сына и спросил его об этом, и тот сказал: «Отец, слова госпожи Будур — истина. Мы многое испытали в эти две ночи, и они были для нас хуже всех ночей. Со мной случилось больше бед, чем с моей женой, так как моя жена спала в своей постели, а что до меня, то меня уложили спать в нужнике — в тесном, темном месте, где скверно пахло, и ребра у меня стучали от холода. О отец, я хочу, чтобы ты поговорил с султаном и он освободил бы меня от этого брака: у меня не осталось сил перенести еще такую ночь, как прошедшие».

Услышав эти слова, везирь огорчился, так ему хотелось возвысить и возвеличить сына женитьбой на дочери султана, и он не знал как поступить. Ему тяжело было расторгнуть брак, ведь он молил всех святых, чтобы добиться этого брака, и он сказал сыну: «Потерпи, сынок! Сегодня ночью мы приставим к вам стражей!» Потом он возвратился к султану и рассказал, что говорил ему сын, и добавил: «Если хочешь, о царь времени, мы сегодня ночью приставим к ним стражей». Но султан возразил: «А зачем? Не нужен мне этот брак!» И он тотчас же приказал кричать в городе о прекращении празднеств, и подданные его очень удивились, особенно когда увидели, что везирь и его сын выходят из дворца, и узнали, что их оттуда выгнали и брак расторгнут, и никто не знал — почему. И султан бросил думать об этом деле.

И затем истекли три месяца, после которых он обещал матери Ала ад–Дина отдать свою дочь за ее сына,— а Ала ад–Дин отсчитывал каждый час, и когда прошли эти месяцы, он послал свою мать к султану, чтобы потребовать исполнения обещания, а султан совсем забыл, что он обещал ей. И мать Ала ад–Дина поднялась, и пошла во дворец, и встала у дверей дивана; и когда диван наполнился и явился султан, он посмотрел и увидел мать Ала ад–Дина, которая стояла у дверей. И он вспомнил о том, что обещал ей, и сказал везирю: «О везирь, вон стоит та женщина, что поднесла мне драгоценные камни. Приведи ее ко мне». И везирь пошел, и привел мать Ала ад–Дина, и поставил ее перед султаном, и старушка поцеловала землю, и помолилась за султана, и сказала ему: «О царь времени, кончились три месяца, после которых ты обещал выдать свою дочь, госпожу Будур, за моего сына Ала ад–Дина». И султан растерялся, не зная, что ей ответить, так как он видел, что эта женщина бедная. И он обратился к везирю и спросил его: «Каково твое мнения, о везирь? Я... Да, я, конечно, обещал, но я вижу, что она женщина бедная и они не из знатных людей. Как же следует, по–твоему, поступить?» А везиря охватила зависть, и он вспомнил, что произошло с его сыном, брак которого был расторгнут, и сказал: «О царь времени, как ты выдашь свою дочь замуж за бедного человека — чужеземца, которого ты не знаешь?» — «А что же придумать, чтобы отвести его от нас? Я ведь обещал»,— сказал царь. И везирь молвил: «О владыка султан, избавиться от них просто: пошли к нему и потребуй сорок золотых блюд, наполненных такими же ценными камнями, как те, что он прислал, и еще сорок рабов и невольниц, которые принесут эти блюда».— «Вот оно, правильное мнение! — воскликнул султан, и обратился к матери Ала ад–Дина, и сказал ей: — Скажи твоему сыну, что я стою на том, что я обещал, но хочу от него в приданое за дочь сорок блюд, полных таких же камней, как те, что ты принесла мне раньше, и сорок рабов и сорок невольниц, которые принесут эти блюда. Когда он мне их пришлет, я выдам за него дочь».

И мать Ала ад–Дина вышла, покачивая головой и бормоча про себя: «Откуда достанет мой горемычный сын то, чего требует султан? Допустим: он пойдет в сокровищницу и принесет блюда и драгоценные камни, но откуда ему взять рабов и рабынь?» И она шла до тех пор, пока не пришла домой, и вошла к своему сыну Ала ад–Дину, и рассказала ему все, и сказала: «О дитя мое, не думай больше о госпоже Будур и выкинь ее из головы. Это все, сынок, из–за вези–ря». Но Ала ад–Дин засмеялся и сказал: «Пойди и принеси нам чего–нибудь пообедать, а потом Аллах облегчит для нас это дело, и я доставлю султану то, что он требует. Не думай, что мне трудно что–либо сделать из уважения к глазам моей возлюбленной, госпожи Будур».

И мать его поднялась и вышла на рынок, чтобы купить того, что ей было нужно, а Ала ад–Дин пошел к себе в комнату и потерял светильник, и раб–джинн предстал перед ним и сказал: «Требуй, о владыка!» — «Я хочу от тебя,—сказал Ала ад–Дин,—чтобы ты принес мне сорок золотых блюд, наполненных лучшими драгоценными камнями, находящимися в сокровищнице, и еще приведи сорок рабов и сорок рабынь, одетых в роскошнейшие платья, и пусть это будут красивейшие рабыни, какие только есть».

И раб исчез на минутку и принес требуемое, и оставил все у Ала ад–Дина, и скрылся; и вдруг мать Ала ад–Дина вернулась с рынка и вошла в дом. Она увидела рабов и рабынь и золотые блюда и камни, и остолбенела, и воскликнула: «Аллах да оставит нам навек твой светильник!» А Ала ад–Дин молвил: «О матушка, не снимай покрывала! Пойди захвати султана, пока он не ушел в гарем, и отнеси ему то, что он потребовал».

И мать Ала ад–Дина поднялась и пошла вместе с рабами и невольницами, и каждая из невольниц несла одно блюдо. Достигнув дворца, она вошла с ними к султану, отвесила ему поклон и пожелала величия и долгой жизни, и рабыни поставили перед ним блюда, и когда султан увидел это, он удивился и остолбенел — в особенности от красоты и прелести невольниц. Сияние драгоценных камней отняло у него зрение, и он стоял ошеломленный, вытаращив глаза, словно немой. Потом он приказал отвести рабынь с блюдами во дворец своей дочери, госпожи Бадр аль–Будур, а сам обратился к везирю и спросил его: «Ну, везирь, что ты скажешь о человеке, который оказался способен на то, что бессильны сделать цари всего мира? Клянусь Аллахом, этого, пожалуй, даже много за мою дочь!» И везирь, хотя его, как мы говорили раньше, убивала зависть, мог только пролепетать: «О владыка султан, сокровищ всего мира мало за твою дочь, а ты счел это приношение слишком большим и значительным!» И султан из этих слов понял, что везирь охвачен завистью, и оставил его, и сказал матери Ала ад–Дина: «Передай твоему сыну, что я принял от него приданое и деньги за мою дочь и она стала ему женой, а он мне зятем. Скажи ему, пусть он придет ко мне, чтобы я с ним познакомился, и ему достанется от меня только полное уважение и внимание. И если он хочет, то я сегодня же вечером введу его к моей дочери».

И мать Ала ад–Дина поцеловала землю и вышла, улетаая от радости при мысли, что она — бедная женщина, а ее сын станет зятем султана. А султан распустил диван и пошел к своей дочери, госпоже Будур, и спросил ее: «О дочь моя, как ты находишь подарок своего нового

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

жениха?» — «Клянусь Аллахом, о батюшка, эти камни ошеломляют разум»,— ответила царевна. И султан молвил: «Я думаю, дочь моя что этот твой жених в тысячу раз лучше сына везирия и, если пожелает Аллах, ты насладишься с ним».

Что же касается матери Ала ад–Дина, то она пришла домой, и пошла к своему сыну Ала ад–Дину, и сказала ему «Радуйся, дитя мое, то, чего ты хотел, исполнилось! Султан принял приданое за свою дочь и сказал мне, что ваша свадьба и твой переезд к невесте будет сегодня вечером И еще он велел сказать: «Пусть твой сын ко мне придет чтобы я с ним познакомился». И Ала ад–Дин обрадовался и поблагодарил мать за ее благодеяния и труды, а потом он тотчас же вошел в свою комнату и потерял светильник, и в ту же минуту джинн предстал перед ним и спросил: «Чего ты хочешь, о мой владыка?» — «Отведи меня в царскую баню и принеси мне перемену платья, которого в жизни не надевали султаны, и пусть оно будет драгоценное»,— приказал Ала ад–Дин.

И джинн тотчас же понес его и доставил в роскошную баню, и Ала ад–Дин выкупался и надушился благовониями и ароматами. А выйдя, он увидел перед собой полную перемену царского платья, и выпил напиток, и надел это платье, и джинн понес и поставил в его доме, и оказавшись дома, Ала ад–Дин сказал: «Я хочу, чтобы ты доставил ко мне сорок невольников — двадцать пусть идут впереди меня, двадцать сзади,— и все они должны быть в нарядных одеждах, на конях и с оружием. И пусть будут на них роскошные украшения, равных которым не найти, а сбруя каждого коня должна быть из чистого золота. И еще принеси мне восемьдесят тысяч динаров и приведи коня, которому равного не найдется у султанов, и сбруя у моего коня вся должна быть из самоцветов и благородных камней, так как я направляюсь к султану. И еще я хочу от тебя двенадцать невольниц — самых красивых, какие только есть,— они пойдут во дворец с моей матерью,— и на каждой пусть будет дорогая, красивая одежда и множество драгоценных камней и украшений. И еще принеси моей матери одежду, подходящую для царских жен». И джинн сказал: «Слушаю и повинуюсь!» — и на мгновение исчез, и принес все это. И Ала ад–Дин сказал матери, чтобы она взяла невольниц и шла во дворец, и Ала ад–Дин сел на коня, выстроил своих невольников впереди себя и сзади и проехал через весь город с этой пышной свитой,— да будет же слава одаряющему, вечносущему! И Ала ад–Дин ехал по городу, смущая своей красотой полную луну, ибо он и так был красивый, а счастье еще увеличило его красоту. И жители города, увидав его в таком благородном образе и прекрасном облике, прославляли творца; а достигнув дворца и приблизившись к нему, он отдал приказ своим невольникам, и те принялись бросать людям золото.

Султан между тем сидел в диване вместе со своими вези–рями и вельможами своего царства и ожидал прибытия Ала ад–Дина, а у ворот дворца он поставил несколько эмиров и вельмож, чтобы те его встретили. И когда Ала ад–Дин подъехал к воротам, он хотел слезть с коня, но один из знатных эмиров выступил вперед, и удержал его, и сказал: «О господин, султан приказал, чтобы ты сошел с коня у дверей дивана». И везири с эмирами пошли впереди Ала ад–Дина и шествовали, пока не пришли к дверям дивана, и тогда они подошли, взялись за стремя коня и свели Лла ад–Дина на землю, поддерживая его. И эмиры, и знатные люди царства шли впереди Ала ад–Дина, пока не приблизились к султану, и султан тотчас же встал с престола, и обнял Ала ад–Дина, и посадил его справа от себя, а Ала ад–Дин приветствовал султана так, как приветствуют царей, и сказал ему: «О царь времени, твое великодушие побудило тебя оказать мне столь великую милость и женить меня на твоей дочери, хотя я ничтожнейший из твоих рабов. Я хотел бы, чтобы твое величество пожаловало мне кусок земли, на котором я построю дворец, достойный госпожи Бадр аль–Будур». Увидев, что Ала ад–Дин наделен такой выдающейся красотой и облачен в дивную одежду, а его невольники шествуют в столь замечательном строю и так роскошно одеты, султан удивился и был ошеломлен так же, как и его эмиры и вельможи царства, а везирь — тот едва не умер от зависти. А потом султан велел бить в литавры и барабаны и повел Ала ад–Дина за собой во дворец. Они поужинали с Ала ад–Дином, и султан стал с ним разговаривать, и Ала ад–Дин отвечал так красноречиво, вежливо и почтительно, что пленил разум султана.

И затем султан послал за судьей и свидетелями, и они написали брачную запись и заключили условие, и Ала ад–Дин встал, чтобы идти домой, но султан схватил его за , полу и сказал: «О дитя мое, бракосочетание окончено и все завершилось, и сегодня вечером ты войдешь к своей жене. Куда же ты уходишь?»— «О царь времени,— отвечал Ала ад–Дин,— я желаю построить для госпожи Будур достойный ее дворец, и я могу войти к ней только в этом дворце. Если захочет Аллах, он сейчас же будет окончен».— «О дитя мое,— сказал султан,— перед моим дворцом большой участок земли, и если он тебе нравится, построй дворец там».— «Это как раз то, что мне нужно»,—сказал Ала ад–Дин, и потом он попрощался с султаном и вернулся домой со своими невольниками. Он вошел, взял светильник, и потерял его, и, когда раб светильника явился, сказал ему: «Я хочу, чтобы ты построил дворец со всей возможной скоростью, и пусть он будет очень большой, со всякими коврами и полным устройством, и ковры пусть будут в нем царские, а устройство — султанское». И раб из джиннов ответил: «Внимаю и повинуюсь!» А утром он пришел, взял Ала ад–Дина и показал ему дворец, ковры и прочее убранство, и Ала ад–Дин обрадовался, и тотчас же вернулся домой, и сел на коня, и поехал с невольниками и свитой в диван к султану. А султан, встав утром, открыл окно, и посмотрел, и увидел перед своим дворцом другой огромный дворец, ошеломляющий разум, весь из мрамора и порфира, и Ала ад–Дин потребовал от джинна еще большой ковер, весь затканый золотом, который тянулся от его дворца до дворца султана.

И когда султан увидел этот дворец, привлекающий взоры, и великолепный ковер, тянувшийся до его дворца, он удивился столь дивному делу, и как раз в это время вошел к нему везирь, и султан сказал ему: «Пойди–ка сюда и посмотри, о везирь, что сделал Ала ад–Дин за сегодняшнюю ночь, и тогда ты поймешь, что он достоин и заслуживает быть мужем моей дочери Бадр аль–Будур. Взгляни на это строение — какое оно высокое! Можешь ты построить ему подобное в течение двадцати лет? А он все это сделал за одну ночь». И везирь посмотрел и подивился этому делу, и зависть его усилилась. «О царь времени,— сказал он султану,— все эти проделки — чистое колдовство, ибо люди не могут сделать ничего такого за одну ночь».— «Клянусь Аллахом,— сказал султан,— я дивлюсь на тебя! Как это ты думаешь про людей только дурное? Но это следствие твоей зависти. Вчера вечером ты был здесь, когда я подарил ему землю, чтобы он построил на ней великолепный дворец. О сумасшедший, тот, кто мог принести мне такие драгоценные камни, как те, которые он мне подарил, способен построить такой дворец за одну ночь». И везирь онемел и не дал ему ответа, а потом султан вышел в диван, и сел, и вдруг видит: едет Ала ад–Дин со своей свитой, и он и его невольники бросают людям золото, и все охвачены любовью к нему. И когда султан увидел Ала ад–Дина, он поднялся, встретил его, обнял, и поцеловал, и пошел с ним, держа его за руку; и когда они вошли в самый большой и великолепный зал, там поставили столики, и султан сел, и Ала ад–Дин сел от него справа, вместе с эмирами, везириями и вельможами царства. И они ели, пили и веселились, и султан посматривал на мать Ала ад–Дина и удивлялся: ведь она раньше приходила к нему в бедной одежде, а сейчас он видит ее в роскошном царском платье.

И в городе, и во дворце, и во всем царстве султана началось великое торжество, и люди приходили смотреть на похищающий разум дворец Ала ад–Дина и говорили: «Клянемся Аллахом, он достоин! Да благословит его Аллах!»

А когда кончили есть, Ала ад–Дин встал, попрощался с султаном, сел на коня и отправился к себе во дворец, чтобы подготовиться к встрече невесты, и войдя во дворец, он увидел там рабынь, невольниц и невольников, которых не счесть, и сказал им, чтобы они были готовы встретить невесту. Когда же раздался призыв к предзакатной молитве, султан отдал приказ, и везири, эмиры, вельможи государства, знатные люди царства, воины и рабы сели на коней, и сам султан тоже сел на коня и спустился с ними на площадь. А Ала ад–Дин со своими невольниками выехал верхом на площадь вместе с султаном и начал там играть и показывать свое рыцарское искусство, и никто не мог устоять против него, а невеста его смотрела из окна своего дворца, и когда она его увидела, он понравился ей, и она полюбила его великой любовью. Затем, после этого, гулянье окончилось, и султан с Ала ад–Дином вернулись каждый в свой дворец, а когда наступил вечер, везири и знатные люди царства пошли и взяли Ала ад–Дина и во главе огромного шествия повели его в баню, и он выкупался, и вышел, и сел на коня, и вернулся к себе во дворец с пышной сви той, и четыре везирия предшествовали ему с обнаженными мечами, пока они не достигли дворца. А затем, после этого, они возвратились, взяли госпожу Будур и вышли с нею, с невольницами и с рабынями, и они шли с факелами, свечами и светильниками, пока не достигли дворца Ала ад–Дина, и царевну отвели в ее покои, а мать Ала ад–Дина была возле нее. И царевну показывали Ала ад–Дину семь раз, каждый раз в другом облачении, и госпожа Будур смотрела на дворец, в котором была, и дивилась на золотые светильники, украшенные изумрудами и яхонтами; а стены во дворце были все из мрамора, яшмы и других драгоценностей. Потом поставили столик для брачной трапезы, и все сели и стали есть, пить и веселиться, и перед ними стояли восемьдесят невольниц, каждая из которых держала в руках какой нибудь музыкальный инструмент и играла на нем, и чаши и кубки ходили круговую, и была это такая ночь, которой не знал в свое время и Зу–ль–Карнейн. И затем люди ушли, каждый в свое место, и Ала ад–Дин вошел к своей жене Бадр аль–Будур и уничтожил ее девственность, и они провели ночь, наслаждаясь любовью. А когда наступило утро, Ала ад–Дин поднялся, надел роскошное, великолепное платье, позавтракал и выпил вина, а потом он встал, сел на коня и поехал, и невольники его поехали вместе с ним. И Ала ад–Дин направился во дворец султана, и султан, когда он прибыл, поднялся на ноги, встретил его, обнял и посадил от себя по правую руку, и эмиры и вельможи царства подошли и поздравили его. После этого султан отдал приказ,— и поставили столики, и все ели, и пили, и веселились, пока не насытились; а когда столики убрали, Ала ад–Дин обратился к султану и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

сказал ему: «О царь времени, не угодно ли тебе пожаловать ко мне и пообедать с твоей дочерью, госпожой Будур? И возьми с собой всех своих ве-зирей, эмиров и вельмож царства».— «Гы достоин этого, сын мой»,—отвечал султан. И йотом он поднялся вместе с вельможами царства, и они сели на коней и поехали с Алаад–Дином в его дворец. И когда султан вошел во дворец, то его ум был ошеломлен такой роскошью и великолепием, и он обратился к везирю и сказал ему: «О везирь, видел ты в жизни или слышал на своем веку что–нибудь подобное этому?» — «О царь времени,— ответил везирь,— я не могу поверить, что это работа людей, сынов Адама. Нет, это дело колдунов и чародеев».— «Твоя завистливость мне известна,— сказал царь,— и я знаю, почему ты постоянно наговариваешь на Ала ад–Дина».

Потом Ала ад–Дин повел султана наверх, в покои госпожи Будур, и султан увидел там комнату с окнами, все решетки которых были из изумруда, и ум его был ошеломлен. И он заметил, что одна из решеток не закончена — а Ала ад–Дин оставил ее незаконченной нарочно,— и, увидав, что в решетке чего–то не хватает, воскликнул: «Какая жалость! Эта решетка несовершенна! — И он обратился к везирю и сказал ему: — Ты знаешь, по какой причине эта решетка не закончена?»— «Не знаю, о царь времени»,— сказал везирь. И царь молвил: «Это потому, что Ала ад–Дин торопился построить дворец и не успел доделать решетку».

А Ала ад–Дин в это время вошел к своей жене, чтобы сообщить ей о прибытии ее отца, султана, и когда он вернулся, султан спросил его: «Ала ад–Дин, дитя мое, по какой причине ты не закончил эту решетку?» — «О царь времени,—отвечал Ала ад–Дин,—я оставил ее такой, чтобы твое величество оказало мне почет и велело ее закончить и чтобы у нас осталось воспоминание о тебе».— «Это дело нетрудное»,—сказал царь и тотчас же велел привести торговцев драгоценными камнями и ювелиров. Он приказал выдать из, казны все, что им понадобится из драгоценностей и металлов, и повелел им доделать решетку.

А госпожа Бадр аль–Будур вышла из своих покоев, подошла к отцу, радуясь и смеясь, и поцеловала ему руку, и отец обнял ее, поцеловал и поздравил. Между тем наступил час обеда, и перед султаном, госпожой Бадр аль–Будур и Ала ад–Дином поставили столики, а для главного везиря и прочих эмиров, везирей, вельмож царства и знатных людей государства накрыли другие столики. И султан с Ала ад–Дином и госпожой Бадр аль–Будур сели за столик и стали есть, и пить, и веселиться; и султан дивился на чудесные яства, великолепные кушанья и убранства столиков, уставленных столь роскошной посудой. Перед ним стояли восемьдесят невольниц, каждая из которых держала в руках какой–либо музыкальный инструмент, и все они играли на своих инструментах трогательные напевы, от которых утешались сердца тоскующих. И султан возвеселился и возрадовался, и стала ему приятна жизнь, и он говорил про себя: «Поистине, таковы должны быть цари и таков должен быть у них порядок!» И они ели, пока не насытились, и чаши ходили меж ними в круговую; а потом столики с едой убрали и поставили столики со сладостями и плодами в другой большой комнате, и все перешли туда и опять поели досыта, а мастера, торговцы драгоценностями и ювелиры начали работать, чтобы закончить решетку, и султан поднялся, и посмотрел на их работу, и увидел, что она очень отличается от первоначальной, так как мастера не могут выполнить подобной работы. А потом торговцы драгоценностями осведомили султана, что всех камней, находящихся в его казне, никак не хватит, и султан приказал открыть другую казну, большую, и взять из нее все, что им нужно, а если тоже не хватит, тогда пусть возьмут камни, которые преподнес ему Ала ад–Дин.

И мастера брали эти камни, пока большая казна не опустела, и они взяли также все камни, которые преподнес Ала ад–Дин, но их тоже не хватило даже на часть незаконченной решетки. И султан приказал своим везирям, чтобы каждый, у кого есть камни, отдал их мастерам, а стоимость их взял у султана, и везири приносили камни, которые имели, пока у них не осталось ничего, но из этого всего не сделали даже и половины работы.

И слух об этом распространился, и Ала ад–Дин пошел посмотреть на работу мастеров и увидел, что те не закончили даже и половины недостающей решетки. Тогда он приказал им разобрать то, что они сделали, и вернуть владельцам камни, которые они взяли у везирей, а также возратить то, что они получили из сокровищниц султана, и рабочие разобрали решетку и вернули камни их владельцам. И когда султану принесли его камни, тот удивился этому, и сел на коня, и отправился к Ала ад–Дину, а Ала ад–Дин до прибытия султана потер светильник, и раб появился перед ним и воскликнул: «Требуй, о мой владыка!» — «Я хочу,— сказал Ала ад–Дин,— чтобы ты сейчас же пополнил недостачу в решетке, которую я велел оставить незаконченной»,— и джинн отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И в мгновение ока все стало так, как хотел Ала ад–Дин, и раб скрылся, а Ала ад–Дин пошел и увидел, что решетка закончена.

И когда он ее рассматривал, вдруг вошел султан, и Ала ад–Дин встретил его с почетом и уважением, и султан спросил его: «Почему, о сынок, ты позволил ювелирам разобрать то, что они сделали, и не дал им закончить эту решетку?» — «О царь времени,— ответил Ала ад–Дин,— я оставил ее незаконченной, так как увидел, что у мастеров нет больше драгоценных камней. Они взяли все, что было в твоих сокровищницах и сокровищницах вельмож твоего царства, и не выполнили даже половины работы, и тогда я велел им разобрать то, что они сделали, и возратить камни их владельцам, а сейчас я своей рукой восполнил недостаток в решетке. Подойди, о царь времени, и посмотри». И султан подошел, и посмотрел, и увидел, что решетка закончена с замечательным искусством, и в ней нет недостатка, и удивился Ала ад–Дину, и обнял его, и поцеловал, и воскликнул: «Кто подобен тебе, о дитя мое! Ведь ты сделал нечто такое, чего не в силах свершить великие цари». И потом султан вошел к своей дочери, госпоже Будур, и немного посидел у нее, а затем он ушел и вернулся к себе во дворец.

А Ала ад–Дин каждый день выезжал со своей свитой и пересекал весь город, осыпая людей золотом, а потом заходил в султанскую мечеть и совершал там полуденную молитву. И все подданные полюбили его, и во всех странах распространилась о нем великая слава, и он выезжал на охоту, и спускался с всадниками на площадь, и превзошел он людей своего времени в рыцарском искусстве, а жена его, госпожа Бадр аль–Будур, видя, что он таков, каждый день любила его больше, чем в предыдущий. И слово и совет во всем царстве принадлежали Ала ад–Дину, и он вершил справедливый суд, жаловал и награждал, так что пленил разум всех людей.

И он постоянно поступал так, и вдруг в один из дней выступил против султана какой–то царь и пришел с большими войсками, которым нет числа, чтобы воевать с ним. И султан снарядил воинов, которые при нем были, и назначил предводителем их Ала ад–Дина; и Ала ад–Дин шел с войсками, пока не приблизился к врагам, и тогда он обнажил меч, и началось сражение, и разгорелась битва, и Ала ад–Дин ринулся на врагов, и большинство перебил, и многих взял в плен, и рассеял остальных. Он захватил большую добычу и вернулся с победой, и ни одно из его знамен не поникло, и вступил в город с пышной свитой, и украсили из–за этого все города царства. И султан вышел, и встретил Ала ад–Дина, и обнял его, и привел к себе во дворец; и началось великое торжество, и люди стали молиться за Ала ад–Дина, желая ему долгой жизни. И Ала ад–Дин пребывал в таком положении, и вот то, что было с ним.

Что же касается магрибинца, колдуна, то, возвращаясь в свою страну, он раздумывал о своем деле и бранил Ала ад–Дина с великой яростью, говоря про себя: «Раз этот негодяй умер под землей, а светильник все еще хранится там, я не стану думать о тяготах, которые испытал, и у меня есть надежда добыть этот светильник». А достигнув родного города, он захотел погадать на своем песке и посмотреть, остался ли светильник в сокровищнице и жив Ала ад–Дин или нет? Он определил его гороскоп и три раза погадал на песке, и не увидел он, что Ала ад–Дин умер, и не обнаружил светильника в сокровищнице, и усилилась тогда его печаль, и увеличилась ярость, и убедился он, что Ала ад–Дин спасся вместе со светильником и вышел на поверхность земли. И тогда он еще раз рассыпал песок, и погадал про Ала ад–Дина, и увидел, что тот получил светильник, и стал величайшим из людей в своем городе, и женился на дочери султана. И колдун еще больше огорчился, так что едва не умер, и сказал про себя: «Я претерпел много трудностей и мучений, чтобы раздобыть светильник, и не добыл его, а этот поганец, сын ничтожных, получил его без труда и утомления! Я обязательно что–нибудь сделаю, чтобы его убить!»

И он тотчас же поднялся, и снарядился, и отправился в страну Китая, и достиг столицы царства, то есть того города, где находился Ала ад–Дин. Он поселился на постоялом дворе и день или два оставался в своем жилище, пока не отдохнул от усталости, а потом вышел, и стал ходить по улицам города, и услышал, что все говорят об Ала ад–Дине, его великодушии и щедрости, и великолепии его дворца, настоящего чуда света. И тогда магрибинец обратился к одному из тех, кто так говорил, и спросил его: «Кто тот человек, которого вы так восхваляете?» И спрошенный отвечал: «Ты, видно, из далекой страны, раз ты не слыхал про Ала ад–Дина и его дворец, это чудо света,— Аллах да сделает его в нем счастливым!» И магрибинец отвечал ему: «Я не слышал, и я здесь человек чужой, из далеких стран. Я хочу, чтобы ты провел меня к его дворцу и я посмотрел бы на него».

И тот человек пошел с магрибинцем и привел его ко дворцу, и магрибинец всмотрелся в него и понял, что все это работа светильника. Он едва не умер от зависти и сказал про себя: «Ах, я непременно выкопаю для этого поганца яму и убью его там! Сын нищего портного, у которого не было даже ужина на один вечер, добыл все это! Если захочет Аллах, я обязательно заставлю его мать снова прясть хлопок!» И

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

магрибинец вернулся на постоянный двор, будучи словно на том свете от горя, и, достигнув своего жилища, погадал на песке, чтобы посмотреть, где светильник, и он увидел, что светильник во дворце, а не у Ала ад-Дина, и воскликнул: «Дело-то, выходит, нетрудное! Я таки лишу этого поганца здоровья!» И он поднялся, и пошел к меднику, и попросил его сделать несколько новых светильников, и сказал: «Возьми с меня их цену с избытком»,— и медник отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» — и тотчас же исполнил его требование. А магрибинец взял светильники, отдал меднику за них деньги, а потом он пошел домой, уложил светильники в корзину и принялся ходить по площадям города, крича: «Эй, кто меняет старые светильники на новые!» И всякий, кто слышал его крики, говорил, что это сумасшедший. И магрибинец кричал эти слова, пока не оказался под окнами дворца Ала ад-Дина, и тогда он опять издал такой крик, а малыши и уличные мальчишки шли за ним и кричали: «Сумасшедший, сумасшедший!»

И Аллах предопределил, что госпожа Будур как раз в это время смотрела из окна, и она услышала крик магрибинца и стала смеяться над ним вместе со своими невольницами. «Да погубит его Аллах! — сказала она.— Какая ему от этого прибыль?» А Ала ад-Дин забыл о светильнике во дворце и не запер его, по обычаю, в своей комнате, и одна из невольниц увидела его и сказала госпоже Будур: «О госпожа, во дворце моего господина есть старый светильник. Если хочешь, давай позовем этого человека и выменяем наш светильник на новый, чтобы посмотреть, правду он говорит или нет». — «Пойди приведи его»,— сказала госпожа Будур,— и выменяй у этого сумасшедшего наш светильник на новый».

А госпожа Будур совершенно ничего не знала об этом светильнике.